

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4. С. 143—150.

Ivanovo State University. Series: Humanities. 2024. Iss. 4. P. 143—150.

Научная статья

УДК 111: 291.23

DOI: 10.46726/И.2024.5.16

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В СМЫСЛОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

Алла Васильевна Юрьева

Санкт-Петербургский государственный университет

промышленных технологий и дизайна, г. Санкт-Петербург, Россия, 4alla@bk.ru

Аннотация. Будучи включенным в пространственно-временной континуум, человек регулярно подвергает рефлексии конечность своего существования и существования окружающего его мира. В работе исследуется проблема смыслового наполнения пространства эсхатологическими представлениями, которая проявляет себя в различных культурах и временах. Новизна работы заключается в попытке уточнить сущностный статус эсхатологических представлений в жизни человека, преломляемый в пространственных категориях. В результате проделанного анализа были сделаны некоторые выводы. Формирование представлений об эсхатологии пространства коренится в понимании человеком реального пространства своего бытия. Иконография демонстрирует четкую структурированность пространства, связанную с представлениями о последних временах человечества, которая восходит к иерархичности самого человека. Светские представления об эсхатологии пространства можно проследить в потребности человека создавать места памяти (музеи, обелиски, памятники), в том числе и в виртуальном пространстве своего существования.

Ключевые слова: эсхатология, пространство, виртуальная смерть, эсхатология светских представлений, эсхатология религиозных представлений, гетеротопии

Для цитирования: Юрьева А.В. Эсхатологические представления в смысловом пространстве человеческого бытия // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4. С. 143—150.

Проблема конечности времен, осмысления собственной смерти на протяжении многих веков была фундаментальной в различных культурах. Традиционно различают личную и коллективную эсхатологию, то есть учение о посмертной судьбе индивида и учение о конечных судьбах мира. Углубляясь в историю этих представлений, мы находим там большое разнообразие практик, ритуалов, мифов, связанных с темой смерти, преодоления страха перед ней, принятием ее как неизбежности финала жизни. Весь этот спектр показывает нам, что путь человеческой цивилизации окрашен постоянным и нетерпеливым ожиданием конца человеческой истории. А во времена политических и социальных потрясений апокалиптические настроения вспыхивают с небывалой силой. Таким образом, начиная с архаических представлений о загробной жизни, о переходе человека в инобытие, заканчивая современным пространством виртуальной смерти, наблюдается устойчивый характер эсхатологических представлений в сознании человека.

© Юрьева А.В., 2024

Актуальность работы связана с ростом эсхатологических настроений в современном мире, так как период пандемии, а также ряд общемировых проблем заставляют заново осмысливать человеком собственное положение и проблему смертности. Эти размышления могут иметь как религиозный, так и светский характер, но в обоих случаях они несут в себе значительную сложность и актуальность для любой личности. Целью исследования становится проблема наполнения смысловыми доминантами пространства с точки зрения эсхатологических позиций. Разработанность тем, связанных с эсхатологической проблематикой, поистине огромна. В зарубежных исследованиях можно выделить работы М. Элиаде, Ф. Арьеса, Р. Бульмана, А. Олрика, Дж. Стивенсона и другие. Из отечественных — Н. Бердяева, С. Трубецкого, Р. Гранина, А. Глазкова и других. В работе применен диалектический метод, в ходе которого проблема эсхатологии пространства рассматривалась в исторической плоскости, с учетом ее трансформации от религиозного к светскому истолкованию.

Говоря о пространстве, можно сказать, что оно является активным носителем культурных значений. Благодаря конкретному пространственному опыту человек осваивает нормы, ценностные иерархии, коллективные представления о центре и периферии и т. д. В современной гуманитарной исследовательской литературе пространство понимается как носитель социальных и символических значений и как культурно нагруженная категория. Вспоминая исследования Э. Кассирера [Кассирер], напомним, что в его представлении существует три вида пространства: органическое — присущее любому живому существу; пространство восприятия, присущее всем высшим животным, и символическое пространство, присущее человеку. Среди типов символического пространства он особенно выделял мифическое пространство. В свою очередь в мифическом мышлении Кассирер вычленяет тотемическую форму пространственных представлений. Основной принцип структурирования тотемического пространства — мифо-социальный. Он охватывает все сферы деятельности и мышления людей и систематизирует их быт, политическую и религиозную жизнь, выступая в качестве своеобразного закона. По оценке Кассирера, использование обобщающего пространственного принципа впервые формирует образ мира, одновременно физического и духовного космоса. Иначе говоря, обживая природный ландшафт, человек формирует природно-культурную среду, которая, в свою очередь, влияет на его поведение и мировоззрение. В этом смысле рождается понятие культурного ландшафта, который есть идеальная позиция видения мира, то есть ментальный «рисунок» пространства. Иначе говоря, культурный ландшафт представляет собой обратную сторону мира. Это замечание помогает с большей силой осознать значимость пространственных представлений и отношение человека к ним с точки зрения собственной смертности и конечности исторического процесса.

Как уже было отмечено, проблема смерти принадлежит к базовым в философии. Более того, феномен смерти междисциплинарен внутри самой философии, поскольку заявлен в антропологии, онтологии, этике и социальной философии. Многие исследования доказывают, что смерть, являя себя в качестве мертвого тела, подвергается многообразию культурной символизации. Прежде всего это отражено в классических работах Э. Тайлора, Д. Фрезера, М. Элиаде и других авторов. Большой анализ культуры захоронения был дан известным исследователем Ф. Арьесом. Согласившись с мыслью М. Хайдеггера о том, что вопрос о смерти проясняет подлинную ситуацию существования, можно сказать, что одна из главных задач любой культуры — снизить интенсивность страха перед смертью. Заметим, что большинство вопросов, связанных со смертью, могут

быть сформулированы в философии только в контексте отношения к смерти. Человеку дано лишь анализировать отношение к «моей» смерти и отношение к «чужой».

Начнем с того, что задолго до возникновения мировых религий появились зачатки таких представлений о мире, которые привели к формированию эсхатологических смыслов далее в монотеистических религиях. Истоки подобных идей коренятся не только в коллизиях борьбы человека с природными стихиями, но и в трудностях познания окружающей действительности, а затем и в социальных противоречиях. Ведь, как доказывал А. Лефевр, каждое общество производит свое пространство.

В соответствии с человеческим восприятием пространства строились жилища, поселения, города. Создаваемый человеком мир осмысливается и наделяется определенным содержанием. Но в связи с этим назревает вопрос, если человек склонен экспонировать собственные пространственные ощущения в окружающий мир, существует ли подобная практика, связанная с восприятием собственной смерти и смерти окружающего мира. Здесь следует упомянуть о топографии загробного мира, которая имеет богатую историю в различных культурах.

Путешествие души в загробном пространстве находят свое отражение в иконографии, литературе, археологических находках всех народов. Однако представления о картографии потустороннего пространства могут существовать лишь на основании синтеза знаний о пространстве реального мира. Ю.С. Обидина, исследуя топографию загробного мира античного сознания, приходит к выводу об антитезе загробного мира по отношению к миру живых, несмотря на очевидность проективного мышления человека. Скорее всего, представления о загробном пространстве можно понимать как мысленный образ чего-то неизвестного, противоположного тому, что было изведано в реальности. Автор замечает, что «основные представления о времени и пространстве, человеческой ойкумене неприменимы к подземному миру, царству, где природа не была затронута сезонностью и где пространственные отношения нарушали все основные законы физики. Кроме того, темнота и тишина, две главные характеристики будущей жизни, часто повторяющиеся в письменных описаниях Аида, внесли свой вклад в создание преимущественно одномерного пространства, где души, а также топографические особенности имели тенденцию исчезать в однотонном и однообразном подземном мире» [Обидина]. По аналогии с географическим пространством, знакомым римлянам в жизни, пространство Аида понималось ими как окруженное водой, так как река в их представлении имела объединяющее значения между «известным» и «неизвестным». Таким образом, мы видим, как создается пространственный ментальный образ, связанный с личной эсхатологией человека.

В различных культурах существование смерти как явления надприродного формировало убеждения в его недоступности для понимания человеком. В связи с чем пространство смерти описывалось по аналогии с пространством земным, доступным человеческому разуму. Таким образом, в сознании человека рождается мир, искаженный реальностью смерти. Однако смерть, играющая роль хаоса и разрушения, неминуемо структурировалась, в том числе и пространственно, через смыслопорождение.

Под влиянием религиозных (христианских) положений о рае, земной жизни и аде, утверждалось представлении о трех мирах: небесном, земном и подземном. Человек оказался центром земного мира, а земной мир — центром Вселенной. В понимании Церкви как Храма характерна антропологическая символика

(Церковь есть «тело Христово», соответственно храм — тело, глава которому Христос), космологическая («совокупность же всей твари, имеющей войти в Небесный Иерусалим, — это и есть Церковь»), эсхатологическая («в конечном состоянии Церковь и Царство Божие — это одно и то же»).

Здесь стоит внести некоторые замечания. Человек в философской традиции воспринимается через призму собственной телесности, чувственного опыта, который неизбежно связан с пространственными представлениями. Более того, тело, являясь пространственным понятием, становится еще и первичным опытом проживания пространства. Сознание ищет сходство с телесным опытом и находит его в природе. Следовательно, форма обеспечивает своего рода первичные осмысления действительности. «Не случайно, — как отмечает М. Мамардашвили, — одной из первых моделей мира — и в познании и искусстве — была модель человеческого тела, в которой космическими аналогиями и гомологиями мир как целое и разные его части проецировались на целое и части человеческого тела (то есть в целях понимания существенно использовалось описание мира таким, чтобы в нем было место человеку с его заданной духовно-телесной формой)» [Мамардашвили].

Обратим внимание, что понимание пространства в религиозной эсхатологии не сильно претерпевает изменения с течением времени в силу своей традиционности, закреплённой в некоторых религиозных текстах. К примеру, И.А. Бессонов, исследуя эсхатологические народные представления, описывает следующее: «с планетой что-то творится: все заражено, рыба вымерла, в природе изменения» [Бессонов: 133]. Окружающее пространство в эсхатологических образах мыслится как испорченное, а литературными источниками этого представления выступает ряд текстов (книга Еноха, книга пророка Даниила, апокалипсис Иоанна Богослова и др.) Для иллюстрации возьмем текст Ефрема Сирина «Слово на второе пришествие Господа нашего Иисуса Христа»: «Тогда небеса не дадут дождя, земля не будет приносить плодов, источники иссякнут, реки иссохнут. Трава не будет расти, не покажется на земле зелени; деревья померзнут в корнях и не дадут отпрысков; рыбы и киты в море изомрут. И море издаст такое заразительное зловоние и такой страшный шум, что люди будут падать без чувств и умирать от страха...» [Сирин]. В Откровении Иоанна Богослова описание грядущего суда над грешниками проходит в категориях изменения пространства — а именно, неизбежности катастрофы (падение звезд, извержения вулканов, землетрясения, кровавых дождей). Текстовые источники, таким образом, формируют символическое пространство, наполняя его понятными для человека конструкциями разрушения, разложения, «иссыхания».

Если говорить о современности, то в XX—XXI вв., по мере нарастания экологического кризиса и усиления антропологического воздействия на природу, этот мотив получает наиболее яркое звучание. В современных эсхатологических представлениях могут перечисляться самые разные признаки деградации окружающей среды: «В двухтыщном каком-то году, он говорил, что вот будут в небе такие... будет чудо такое, которое будет влиять на природу — дак и влияет на природу... А вот это, наверное, наша космонавтика... А сейчас действительно, природа гибнет за счет космоса: во вселенную раз вошли.. бывают кислые, щелочные дожди, разные дожди, а раньше ж этого не было» [Маслинский: 92]. Согласно народным представлениям в эсхатологическую эпоху становятся возможными невероятные чудеса: лес ходит, стена разговаривает, летают железные птицы и бегают железные кони. Признаками конца света могут называться любые странные, необыкновенные изменения в природной и социальной сферах: появление/исчезновение насекомых, изменение климата, ускорение

времени и др. Особая роль в таких рассказах уделяется техническим нововведениям. Однако такие проявления обычно не характеризуются как проявление действия нечистой силы, а скорее вызывают удивление своей необычностью.

Идея отрицания греховного мира в христианстве была неотделима от представлений о грядущем обновлении вселенной. Пейзаж катастрофы, описываемый в религиозном откровении, превращается в катастрофу пространства, при котором само привычное пространство должно быть полностью уничтожено.

Если же говорить об иконографии Страшного суда, которая складывалась на протяжении многих веков и зафиксировалась в росписи храмов, книжной миниатюре, барельефах, то в первую очередь можно обратить внимание на структурированность этого пространства. Проявляется она в строгом соблюдении градации верх/низ, правое/левое, при необходимости существования в едином пространстве различных сюжетов, извлеченных из христианского богословия. Не имея возможности в рамках небольшого исследования давать обширную характеристику различных вариаций при изображении Страшного суда, для примера возьмем описание иконы первой половины XV века, находящуюся в Успенском соборе Московского кремля. «В центре композиции изображается Христос — судья мира. Ему предстоят Богоматерь и Иоанн Предтеча — ходатаи за людей. У их ног Адам и Ева — первые люди на земле... Справа от Христа — праведники, слева — грешники... Вверху часто изображается Бог Саваоф, ангелы света, низвергающие с небес ангелов тьмы (дьяволов) и как символ конца мира всегда изображается небо в виде свитка, свиваемого ангелами. Ниже Христа — судьи мира, пишется престол... Еще ниже бывают представлены: большая кисть руки, держащая младенцев, что означает «праведные души в руке Божией», и здесь же, неподалеку, весы «мера дел человеческих» [Антонова, Мнева]. Это описание дает нам четкое представление о символической пространственной градации Страшного суда в представлении религиозного сознания.

Безусловно, в православной антропологии, да и не только в ней, тема смерти имеет приоритетное значение. Начиная от коллективной эсхатологии, заканчивая личной смертью человека, она мыслится как неизбежное подведение итогов, смысловой финал всей жизни. Однако даже при ослаблении религиозного сознания эсхатологическая проблематика звучит не менее ярко в светском ее истолковании. Так как смерть — одна из главных угроз прекращения связи времен, то именно этим фактором предопределено изобретение человечеством социального механизма фиксации, хранения и передачи информации. К подобному пониманию личной и мировой эсхатологии можно отнести общемировую практику создания музейного пространства, памятников, обелисков, обустройства территорий погостов. Места общественной памяти в самой своей сути наполнены эсхатологическими представлениями человека о самом себе и об окружающем его мире.

Обращаясь к терминологии М. Фуко, стоит взять на вооружение его понятие гетеротопического пространства в описании подобных мест. По мысли философа, подобные пространства крайне значимы для осмысления человеком самого себя и исторического времени, ведь, попадая в них, он находится не просто в географическом пространстве, но именно в символическом месте. В этом ракурсе музей можно осмыслить как попытку сохранить, экспонировать и передать избранные нарративы о прошлом, пробуждая в сознании человека топографическое представление о пространстве и времени. Музейное пространство, памятники, обелиски, памятные места изначально задуманы таким образом, чтобы зафиксировать скоротечность истории, но в тоже время продлить существование памяти о событии, человеке, факте.

В пространстве гетеротопии оказываются возможны социальные отношения, телесные практики и модели поведения, исключенные из порядка повседневной жизни. Здесь достаточно вспомнить посещения погостов в памятные дни во времена бушующего советского атеизма. От религиозной практики в этих действиях ничего оставалось, но была выработана собственная практика продления памяти об умершем или умерших (если речь идет о местах крупных захоронений). Пространство наполнялось символическими действиями, иногда принятием пищи на могилах, возложением цветов, исполнением гимна и т. д. Таким образом, проблема смерти решалась через бессмертие, культурное, социальное, историческое. Как писал К. Исупов, рассуждая о проблемах танатологии: «...слово о смерти есть слово о жизни, выводы строятся вне первоначального логоса проблемы, — в плане виталистского умозаключения, в контексте неизбежаемой жизненности. Смерть не имеет собственного бытийного содержания. Она живет в истории мысли как квазиобъектный фантом, существенный в бытии, но бытийной сущностью не обладающий» [Исупов: 106].

Как уже было отмечено, периодичность эсхатологических ожиданий с разной степенью интенсивности была свойственна для всех исторических периодов. Современный мир рождает прецедент виртуального пространства, в котором человек так же осмысливает свое бытие, наполняя его эсхатологическими представлениями. Цифровые технологии дают нам в новом формате хранить свои воспоминания, в том числе и об ушедших. Многие социальные сети устанавливают регуляцию онлайн-кладбищ для аккаунтов тех людей, которые уже никогда не смогут загрузить фото или написать пост. Это может быть траурная рамка, наложенная на аватар, мемориальная надпись, оставленная родственниками и т. д. Но зарегистрированный аккаунт позволяет сделать человека практически виртуально бессмертным, ведь, как известно, интернет помнит все. В любой момент можно освежить свои воспоминания, зайдя на страничку к человеку, послушать его музыку, увидеть фото, окунуться в жизнь, которую он сам конструировал, публикуя посты. Более того, есть реальная возможность назначить хранителя собственного аккаунта, и тогда виртуальная жизнь действительно не закончится. Эсхатологией виртуального пространства в последние годы обеспокоены многие деятели искусства, одни из них — группа Recycle. Они много рефлексиируют на тему нашей техногенной цивилизации («Лес истекающих ссылок», «Открытый код», «Саркофаг» и др.), ставят вопросы, которые, безусловно, пока не могут быть решены. Мотив окончания виртуальных времен в их работах связан с археологией нашего времени — все окончится, когда окончится электричество — таков неутешительный вердикт. Человечеству действительно свойственна катастрофическая концепция мира, ведь смерть придает человеческому существованию смысл, в каких бы пространствах он не обитал.

Итак, стоит подвести некоторые итоги. Во-первых, проблема осмысления смерти, конечности земного мира на протяжении всей истории человечества была фундаментальной в различных культурах. С помощью мифологии, ритуалов порождается вертикаль и горизонталь мира, все его геометрические константы. Это в том числе связано с переживанием человеком собственной телесности.

Во-вторых, формирование представлений об эсхатологии пространства коренится в понимании человеком реального пространства своего бытия.

В-третьих, эсхатология пространства, зафиксированная в иконографии, показывает нам четкую структурированность пространства последних времен человечества, которая восходит опять же к иерархичности самого человека (бинария верх/низ, право/лево).

В-четвертых, когда религия уже не играет ведущей роли в общественной жизни, эсхатологические идеи вырываются из традиционного религиозного контекста и становятся частью светской культуры. Не все верят во второе пришествие Христа, но многие верят в катастрофы вселенского масштаба и экологическую «месть» самой природы.

В-пятых, светские представления об эсхатологии пространства можно проследить в потребности человека создавать места памяти (музеи, обелиски, памятники), в том числе и в виртуальном пространстве своего существования.

Список литературы / References

Антонова В.И., Минева Н.Е. Каталог древнерусской живописи XI — начала XVIII в. Опыт историко-художественной классификации: в 2 т. URL: <https://goo.su/cQQ53> (дата обращения: 13.09.2023).

(Antonova V.I., Mneva N.E. The catalog of Old Russian painting of the XI — early XVIII century. Experience of historical and artistic classification: in 2 vols. — In Russ.)

Бессонов И.А. Русская народная эсхатология: история и современность. М.: Гнозис, 2014. 336 с.

(Bessonov I.A. Russian folk eschatology: history and modernity, Moscow, 2014, 336 p. — In Russ.)

Исупов К.Г. Русская философская танатология // Вопросы философии. 1994. № 3. С. 106—112.

(Isupov K.G. Russian philosophical thanatology, *Questions of Philosophy*, 1994, no. 3, pp. 106—112. — In Russ.)

Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 1: Язык. М.: СПб., 2002. 272 с.

(Cassirer E. Philosophy of Symbolic Forms, vol. 1: Language, Moscow; St. Petersburg, 2002, 272 p. — In Russ.)

Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М.: Прогресс-Культура, 1992. 414 с.

(Mamardashvili M. How I Understand Philosophy, Moscow, 1992, 414 p. — In Russ.)

Маслинский К.А. Эсхатологические рассуждения современных крестьян // Традиции в фольклоре и литературе. СПб., 2000. С. 91—104.

(Maslinsky K.A. Eschatological reasoning of modern peasants, *Traditions in folklore and literature*, St. Petersburg, 2000, pp. 91—104. — In Russ.)

Обидина Ю.С. Социоментальная топография загробного мира // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. № 63. М.: ИВИ, 2018. С.124—133.

(Obidina Y.S. Sociomental topography of the afterlife, *Dialogue with time. Almanac of Intellectual History*, no. 63, Moscow, 2018, pp. 124—133. — In Russ.)

Сирин Е. Творения. На пришествие Господне. Труд 85. URL: <https://goo.su/5jyy4> (дата обращения: 13.09.2023).

(Sirin E. Creations. On the Coming of the Lord. Work 85. — In Russ.)

ESCHATOLOGICAL REPRESENTATION IN THE SEMANTIC SPACE OF HUMAN EXISTENCE

Alla V. Yurieva

St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design,
St. Petersburg, Russian Federation, 4alla@bk.ru

Abstract. Being included in the space-time continuum, a person regularly subjects the finiteness of his existence and the existence of the world around him to reflection. The paper explores the problem of semantic filling of space with eschatological representations, which manifests itself in various cultures and times. The novelty of the work consists

in an attempt to clarify the essential status of eschatological representations in human life, refracted in spatial categories. As a result of the analysis, some conclusions were drawn. The formation of ideas about the eschatology of space is rooted in a person's understanding of the real space of his being. Iconography demonstrates a clear structuring of space associated with ideas about the last times of mankind, which goes back to the hierarchy of man himself. Secular ideas about the eschatology of space can be traced to a person's need to create places of memory (museums, obelisks, monuments), including in the virtual space of his existence.

Keywords: eschatology, space, virtual death, eschatology of secular ideas, eschatology of religious ideas, heterotopias

For citation: Yurieva A.V. Eschatological representation in the semantic space of human existence, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 4, pp. 143—150.

Статья поступила в редакцию 16.09.2023; одобрена после рецензирования 22.07.2024; принята к публикации 26.09.2024.

The article was submitted 16.09.2023; approved after reviewing 22.07.2024; accepted for publication 26.09.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Юрьева Алла Васильевна — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры общественных наук Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, г. Санкт-Петербург, Россия, 4alla@bk.ru

Yurieva Alla Vasilyevna — Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social Sciences of the St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, St. Petersburg, Russian Federation, 4alla@bk.ru